

Do you think we're forever? «Anathema», 1996... Время идет по нам подкованными сапогами, перетирая души на жерновах истории. И теперь, когда я с трудом дотаскиваю свое тело до прохладной постели, борюсь с одышкой и резкой болью в груди, когда волосы мои белы как снег, а глаза застилает пелена расплывчатости, теперь я вспоминаю их все чаще и чаще, вспоминаю моих Женщин, и туман кружит голову. Почему именно теперь, кто может знать. Душными бессонными ночами вливаются в кошмары сна наяву эти воспоминания, и тогда голова становится чужой, мысли плывут маревом неизбежности и не хочется наступления утра...

... Помнишь ли ты, моя милая, моя Первая Женщина, когда впервые встретила меня? Память — это проклятие, она тревожит душу и рвет ее на части, на до и после, на тогда и теперь... Я помню. Помню, когда впервые увидел в тебе Женщину, не просто человека, а именно Женщину. И влюбился... Помнишь ли ты, как давно это было? Еще в институте, первый курс института, практика... Лето, солнечное жаркое лето обнимало нас, лелея в своих объятиях. Мы были так молоды... Помнишь ли ты, сколь молоды были наши души, неизведавшие предательства близких, серых будней и несправедливостей жизни? Или, может, ты вообще не помнишь ничего, твоя память стерта челюстями забот, истыкана иглами необходимости, и показывает тебе только расплывчатые картинки счастливых снов? Мне жаль тебя, милая, если ты смогла забыть счастье юности, если ты вообще не помнишь меня... Но что тебе за дело до одинокого существа, выплескивающего на бумагу свои мысли? Я не сержусь на тебя, я стираю память ластиком карандаша...

... Ты была тогда в нашей группе, я был рядом с тобой целый день. Носился с теодолитом по полянам и мог любоваться на твои ноги сколько угодно... О, эти ноги! Загорелые, слегка исцарапанные, двумя тоннелями пронзающие мои фантазии по ночам... И твой животик. Ты ведь была в топике, верно? Каждый день ты приходила на практику в топике и юбке, открывающей твои великолепные ноги и восхитительный животик... И я сотни раз раздевал тебя взглядом... Пытался заглянуть в соблазнительную тень под краем топика... Но ты была богиней в моих глазах. И ты была занята. Он вился вокруг тебя, твой старый друг, любимый еще с детского сада...

... К чему эти воспоминания? Изливать свое бессилие на чистые листы, марая их ночными поллюциями фантазий, пытаться совершить невозможное, вычеркнуть из жизни лучшие годы...

... Ты помнишь тот вечер, когда я впервые позвонил тебе? Смешно, правда? Я был в стельку пьян, я еле дошел до дома, сладкий кагор лился у меня из ушей. Но ты даже не заметила этого. Мы с тобой мило проболтали два часа, потом я пригласил тебя в кино. На завтра. И заснул прямо в кресле у телефона, совершенно забыв, что я звонил тебе...

Ты помнишь, как ты пришла ко мне в условленное время, красиво одетая в белую блузку и темно-синюю юбку? Ты удивленно смотрела на меня, пока я судорожно пытался прийти в себя, совершенно оглушенный таким счастьем — ты пришла ко мне! И мы пошли в кино, и ты никак не верила мне, что я ничего не помню, смеялась и думала, что я разыгрываю тебя... В тот вечер мы долго стояли на лестнице, ты помнишь? Просто стояли, молча, и смотрели друг другу в глаза. Ты помнишь, что именно в тот момент поняла, что любишь меня? Ты положила

свои руки мне на плечи, а я все никак не мог решиться поцеловать тебя — как можно целовать богиню? Ты помнишь, как мы стояли обнявшись, долго-долго, просто стояли, и в голове была только одна мысль — «ты со мной»... Помнишь ли ты все это?..

... Не знаю... не знаю, стоит ли дальше насиловать бумагу своими воспоминаниями, выплескивая наружу тайные закоулки пыльных тайников... Все это валяется в глубине моей памяти, подобно призракам возникая в бессонные и жаркие ночи. Ночами, когда я один...

... Ты приходила ко мне много раз. Мы целовались в подъездах, на улице... Ты помнишь все это? Сколь восхитительно было обнимать твое упругое тело, ощущая твои ягодицы сквозь тонкую ткань юбки... Мы были молоды, ты помнишь? Мы были молоды и безумны...

... Помнишь ли ты тот день, когда мои родители куда-то уехали на сутки, оставив в мое распоряжение всю квартиру... Ты пришла ко мне... Помнишь ты это? Мы целовались словно сумашедшие, мы были оба красные... ты прятала глаза, впиваясь в мои губы, словно ныряя в холодную воду. Мы задернули шторы и опустили жалюзи, создав рукотворную тень в безумии летней жары, плавящейся от поцелуев и желания... Наши губы не отрывались друг от друга, руки скользили по телам, все ощущая и чувствуя сквозь ткань одежд... Я оторвался от твоих губ тогда, на несколько секунд, и увидел твои глаза... В плывущем мареве полумрака, наполненного любовью и страстью, они блестели словно маленькие звездочки... Ты помнишь это? Как мои губы скользили по твоей шее, плечам, сдвигая тонкую ткань блузки, задерживались на ключице... Они стремились туда, к запретному... Горячие и сухие губы... Они были горячими и сухими, я помню, я даже сейчас машинально облизываю их в полутьме сна, когда является тот день...

... Мои руки гладили твою грудь, ощущая твои напряженные соски через ткань, они ласкали твою грудь, они поглаживали и потискивали ее... Ты помнишь свои чувства в тот момент? Когда ты легонько отстранила меня и расстегнула блузку? Я снял ее с тебя. Ты помнишь это? Твои глаза были закрыты, твое лицо горело, твое дыхание прерывалось. Ты повела плечами, сбрасывая ткань на кровать и вновь прижалась губами к моим губам... О, меня еще никто не целовал столь исступленно и сладко... Твоя кожа скользила под моими ладонями, а бугорки сосков прокалывали рубашку... Наши языки сплетались в агонии... Ты помнишь все это?..

... Жаркими ночами одиночества я рву зубами подушку, когда полузабытые ощущения возвращаются в мое бессильное тело, разрывая душу... Когда беспомощная плоть не в состоянии ответить на вызов памяти и может только плакать в подушку...

... Ты сняла с меня рубашку не расстегнув все пуговицы. Ты прижалась своей грудью к моей груди, обвив мою шею руками, и твои соски, похожие на коричневые шарики, твердые, скользили по моей коже. Наши губы неистовали в поцелуях, наши тела горели в полумраке задернутых штор... Ты счастлива, если можешь не помнить этого. Ты несчастна, если забыла это...

... Мои губы скользили по твоей груди, дрожащей не от холода, ведь жарко было в комнате, ты помнишь? Наполненный желанием полумрак, он скрывал и подчеркивал одновременно, мы горели от любви в тот день... Мои руки стянули с тебя юбку, невесомыми паутинками оглаживая ягодицы и бедра, мои губы ласкали твои соски, тербели их... Мой язык обвивал твои груди, твою кожу... И мое тело чувствовало твои ладони, тепло-горячие, обжигающие прикосновения твоих ладоней. Твои глаза блестели звездами в сумерках чувств... И твое тело лежало передо мной, обещающая и маня смуглым золотом летнего загара...

... В душных снах памяти меня мучают кошмары прошлого, наплывая неисполнимой

страстью жгучих поцелуев... Бессильна плоть, умирающая в сумраке сознания, она плачет в подушку и скрежещет зубами... Помнишь ли ты меня?...

... Ты сама сняла трусики, ты не доверяла мне столь тонко-интимную деталь, и ты была права, ведь ласкать богиню — это уже сверхъестественно для простого смертного. Мое сердце вылетало из груди, когда из-под тонко-белой полоски показался твой волшебный треугольник, что являлся передо мной в самых бесстыдно-горячечных снах... Твое тело ждало, оно манило и изнывало от желания... Ты протянула ко мне руки, твои пересохшие губы что-то шептали мне, неразборчиво, бессвязно... И я, обнаженный, но совершенно не стыдящийся своей наготы, стоял перед тобой, пока ты любовалась мной, пока твои глаза ласкали каждый изгиб моего тела, от длинных волос на голове до негибаемой твердости юношеско-молодой плоти... И столь же бесстыдно я гладил тебя своим взглядом, стремясь охватить сразу все, изгибы рук, тонкость талии, шелковистость лобка и влажность лона... Ты протянула ко мне свои изящные руки, обхватила меня своими точеными ногам... Прижалась ко мне своим горячим телом, оплетая ласками, впиваясь безумными поцелуями. Ты помнишь? Помнишь свои судорожно-быстрые движения бедрами, когда я не смог сразу найти твой вход своей напряженной плотью? Помнишь, как ты закусила губу, когда я вошел в тебя, когда я сделал тебя Женщиной, не просто женщиной, но Женщиной... В твоих глазах была боль поплам с наслаждением, и я увидел твою боль и остановился, чтобы дать ей время уйти... Это было невыносимо трудно, ты помнишь? Ты помнишь, как я застонал от почти физической боли разрывающихся от желания сосудов, но смог остановиться, замереть в тебе на долгие минуты, пока ты не смогла успокоиться и почувствовать не боль, но меня внутри... Ты помнишь это ощущение? Когда впервые в тебе замерла необыкновенно твердая плоть, столь мягко-нежная одновременно с твердостью? Ты обхватила ее собой, обняла стенками своего лона, сжала бедрами мои ноги, медленно надвигаясь, поглощая ее без остатка... Помнишь, как ты двигалась на мне, сначала медленно, прочувствуя каждое ощущение, каждую складку моего ствола, каждый его изгиб и неровность внутри себя, потом все быстрее, когда кипящая волна наслаждения захлестнула тебя с головой... Ты помнишь свой крик, когда мои руки обнимали твои ягодицы, поддерживая и направляя, а я ходил в тебе с бешеной скоростью, внутри твоего лона, в этой сладостно-влажной глубине, таинственной и жаркой... Ты помнишь, как билось твое тело на моем стволе, изгибаясь волнами, как ты запрокидывала голову и кричала от наслаждения, заливая мой лобок своими соками, а твои каменно-твердые соски скользили по моей груди?... Помнишь ли ты свой первый оргазм со мной?... И в эти бессонные ночи, когда воспоминания тянут меня в пучину боли, я нахожу момент, чтобы сказать тебе «спасибо», моя Первая Женщина, ибо не только ты была тогда девственницей, но и я был искушен лишь теоретически... Ты дала мне познать свое тело, и я благодарен тебе, благодарен на всю жизнь, и всю оставшуюся жизнь буду вспоминать твою любовь и наш первый опыт в жарком полумраке искусственной тени. Я благодарен тебе за то, что с тобой понял, как приятно отдавать наслаждение, а не брать его...

... Ты обмякла от наслаждения, прижавшись ко мне всем телом, такая податливо-безвольная в моих объятиях. Ты помнишь это? Я сидел на кровати, подогнув под себя ноги и держал тебя в своих объятиях, не выходя из тебя, и ты продолжала чувствовать меня внутри, во влажно-обволакивающем лоне своем... В моем стволе бился пульс, но я так же чувствовал и твой пульс в стеночках твоего лона, скользко-мягких, жаждущих... Ты положила голову мне на плечо и несколько слезинок скатились из твоих прекрасных глаз, блестящих в сумраке

задернутых штор, и улыбка тронула твои потрескавшиеся губы... Ты поцеловала меня, прошептав «спасибо» сорванным хриплым шепотом и я выпил твои слезы, слезы радости и наслаждения... Ты помнишь? Помнишь, как я приподнял тебя, снимая со своего стоящего члена, а ты пыталась снова сесть на него и тихо смеялась? Помнишь, как я все-таки снял тебя и положил на кровать перед собой? Помнишь, как я покрывал поцелуями твоё тело, как мой язык скользил по твоим грудям, обвиваясь вокруг сосков, как губы ласкали шелковистый животик чуть влажный от твоей влаги и пота, как я скользнул ниже, раздвинув твои бедра? Ты помнишь?..

... Я вдохнул твой запах, запах удовлетворенно-возбужденной Женщины, запах твоего лона, запах припухлых губ и напряженного клитора. Я притронулся языком к влажным складкам твоей вагины, протиснул кончик в манящее запретное отверстие, слизнул сочащиеся из него струйки... Ты помнишь, как прервалось твоё дыхание, когда мои губы обхватили твой клитор? Когда твои губки погрузились в мой жадный рот, обнимающий их, высасывающий из тебя сок наслаждения, нектар оргазма... Когда мой язык метался от сладкого входа к таинственному шарiku, когда мои руки сжимали твои ягодицы, когда снова начала стонать и вскрикивать, ты помнишь? Твоя влага текла по моему лицу, я не успевал глотать её, она брызгала струйками из твоих недр, мускусным запахом обволакивая меня с ног до головы... Твои бедра обнимали мою голову, неистово напрягаясь и расслабляясь, попка дрожала в моих руках а твои пальцы прижимали мою голову к твоей вагине... Ты помнишь свой крик оргазма, когда я втянул шарик клитора между губ и тербил его языком? Ты помнишь, как выгнулось тогда твоё тело, твои бедра сжали мою голову и твои пальцы впились в мой затылок... Ты помнишь?...

... Ночное проклятие окружает меня призраками прошлых оргазмов, что испытаны в моих объятиях, и стонет и плачет немощная плоть под натиском воспоминаний о прошедшем наслаждении, что навсегда в пучине пройденного мимо... И разливается режущая боль в груди, когда я насилую себя пыльными тайниками своей души... И стягивает легкие огнем невысказанного и невыраженного в своё время... Моя боль, моя радость — мои воспоминания... Помнишь ли ты их, моя Первая Женщина?..

... Помнишь ли ты, как мы катались по кровати, слившись в одно, когда твой лобок касался моего лобка, твои ноги оплетали мою спину, твои губы жадно играли с моими безумно-ласковую игру, а твои руки задавали неведомый ритм моим бедрам? Помнишь ли ты, как мой член ходил в твоём лоне, наполняя тебя новой сущностью, заставляя выгибаться дугой мне навстречу и кричать... Помнишь ли ты свои крики, когда я уже не мог останавливаться, когда я взрывался фейерверком первого оргазма в постели с Женщиной, когда ты не могла остановить череду своих извержений?... Помнишь ли ты как плыла в мареве наслаждения, когда тело уже не слушалось тебя, когда ты могла только тихо стонать, ощущая в себе неистовые движения, от которых расплывались спазмы запредельного удовольствия?... Ты помнишь это? Как я лежал рядом с тобой, столь же расслабленный и выжатый донельзя двумя подряд оргазмами, но все-таки смог приподняться и целовать твоё лицо, тихо-расслабленное лицо, гладить рукой твою грудь, податливую и мягкую... Ты лежала в полузабытьи и я еще раз вылизал твою вагину, выпил твой сок, но у тебя уже просто не было сил реагировать... Как мы лежали, долго-долго, обнявшись, прижавшись друг к другу, чувствуя в себе умиротворенность и покой и полумрак укутывал нас... Ты помнишь свои чувства? Ты помнишь этот безумно-сумасшедший день, когда мы впервые попробовали друг

друга?

... Мучительно-сладкие воспоминания в бессильности настоящего, я вижу в вас смысл существования, когда больше нечего желать и хотеть, когда время прошло гусеницами танков по сердцу, окаменевшему от предательств и разочарований, и превратило его в пыль, когда изуродована и заморожена душа, чтобы не сойти с ума в пелене серых будней в тоске сущего вкруг... Воспоминания... Сладостный родник и горечь яда...

... Ты помнишь наши безумные летние дни, жаркие дни августа? Когда мы встречались каждый день, когда мы бродили по городу, взявшись за руки, когда мы уединялись в наших квартирах? Когда каждый день был наполнен любовью, мы стремились познать бесконечность наслаждения друг другом, мы придумывали все новые и новые способы доставлять друг другу удовольствие... Ты помнишь? Как первый раз мы попробовали стоя, у нас просто не было терпения добежать до дома, до кровати, нас обоих захлестывали волны желания... Мы влетели в первый попавшийся подъезд, забрались на самый верх, мы целовались исступленно, словно в последний раз... Ты помнишь, как твои руки пытались справиться с «молнией» на моих джинсах, как мои руки стягивали твои трусики? Приходят ли к тебе эти воспоминания? Как я стоял на ступеньках, держа тебя на весу и медленно опуская на свой член... Ты не отпускала мои губы, ты двигала бедрами, поглощая меня без остатка... Твоя попка плавилась под моими ладонями, твой сок стекал по члену, твоя вагина жадно заглатывала в себя источник наслаждения... Ты двигалась вверх-вниз, все быстрее и быстрее... Мне было тяжело держать тебя, и когда ты застонала, сжав зубы, и изогнулась в спазме наслаждения, я аккуратно снял тебя со своего ствола и держал в своих объятиях... Ты помнишь, как ты спрашивала, почему я не кончил вместе с тобой, и что ты можешь сделать? А потом жадно целовала меня, прижавшись ко мне всем телом... Твоя юбка задралась и твои бедра терлись о мой член, ты прикасалась к нему своим лобком, низом животика... Я не дошел тогда до конца, но это было неважно, ведь нет ничего приятнее, чем держать твое бьющееся в оргазме тело в своих объятиях... Помнишь ли ты это? ... В ночных бессвязных воспоминаниях я процеживаю твои оргазмы сквозь сито своей немоги, и слезы бессилия текут из моих глаз... О, память, память... Ты палач мой, ты мой тюремщик... Я закован в цепи воспоминаний, заключен в стеклянную клетку прошлого, и нет мне спасения...

... Я не знаю, где ты, с кем ты... Я потерял тебя из виду, моя Первая Женщина... Я могу лишь быть с тобою в своих воспоминаниях, делясь ими с пустотой ночи и исступлением невозможности... Помнишь ли ты меня?...

... Тени прошлого всегда со мной. Тени прошлого наслаждения, тени прошлой любви...

... Ты помнишь золотой сентябрьский день, следующий после моего восемнадцатилетия? Мы не пошли в институт, мы лежали на кровати, расслабленные любовной схваткой, обессиленные сплетением... Я приподнялся над тобой, я охватывал тебя взглядом, я ласкал тебя своими глазами... Ты смотрела на меня сияющими глазами, искорки в них танцевали танец любви. Твое матово-золотое тело светилось на белых простынях, а через форточку вливалась прохлада подступающей осени... Было утро, ты помнишь? Ты спросила, что ты можешь сделать для меня? Я долго не решался попросить тебя, я смотрел на твое лицо, на твои губы, в твои светящиеся от любви глаза... Наконец я робко попросил поласкать меня ртом... Ты помнишь? Ты не сморщилась, ты не засмеялась. Ты улыбнулась. Твое тело сладострастно изогнулось, загарно-золотое на белом шелке простыни... Ты наклонилась к моему животу, покрывая его поцелуями, твой сладкий язычок, что я так любил заглатывать своими губами,

щекотно прошелся по моему лобку... Ты помнишь, как ты нежно обхватила мою головку губами, проведя по ней своим мокреньким язычком? Твои губы творили чудеса, они заглатывали мой член в себя, скользили по нему мягким валиком... Твой язык вибрировал в таинстве ласки, щекоча и давая неведомое мне наслаждение... Твои руки обхватили мои бедра, твоя голова равномерно двигалась, принимая в себя мою плоть, заглатывая ее во влажную глубину рта, обнимая ее ощущением плотности... Я взорвался миллионами осколков, я распался на части, ты помнишь это? Ты выдаивала меня своими губами, глотая мою сперму, твои глаза были закрыты, твое тело извивалось под моими руками... Ты высосала меня до последней капли, ты выпустила меня из своего ротика только тогда, когда я уже не мог кричать... Ты улыбнулась мне, а на твоих губах, что я поцеловал, была моя сперма... Я слизал ее с твоих губ, я выпил ее остатки из манящей глубины твоего рта, давшего мне фейерверк чувств... Ты помнишь это? Помнишь свои слова о том, что тебе очень понравился вкус? Я так беспокоился, понравится ли тебе это, но ты сказала мне: «да...» и долго целовала меня, мое лицо, мое тело... Мы любили друг друга в тот день долго и иступленно, у нас уже не оставалось сил двигаться... Ты держала мой член в своем рту, пока он еще мог наполняться кровью, пока он мог твердеть... Ты помнишь это безумие? Ты помнишь мои ласки языком? Как я впивался губами в твою вагину, вбирал в себя твои припухшие губки и напряженный клитор... Ты уже не могла кричать, ты только стонала, держа в своем сахарном ротике мой член, пока я атаковал твою дырочку языком, вонзался в жаркую глубину, вращал в таинственной отверстии, а мои губы раздвигали твою плоть и теребили шарик наслаждения... Помнишь ли ты это?..

... Безумные ночи и серые дни, это все что осталось мне в безжизненном остатке моей жизни. Тоскливое одиночество давит меня своими щупальцами воспоминаний, а проклятая память услужливо подсказывает новые подробности прошедшей любви... Серо-чугунная плита ночей притиснула меня, как бабочку — булавка, и мне осталось лишь трепыхаться под пристальным взглядом прошлого...

... Призрак твоего тела будит меня в те случайные моменты, когда я забываюсь ненадежным сном... Призраки тел моих Женщин танцуют вокруг меня, ведут свой хоровод воспоминаний, воскрешая в памяти мгновения вечности, когда я был счастлив... Помните ли вы меня, мои Женщины?..

... Остался ли в твоей памяти тот зимний день, когда мы гуляли по парку в центре города? Лежит ли тот снег, что возвышался над нами тогда, где-нибудь в тайных закоулках твоих снов?... Мы шли по узкой тропинке, в безлюдии парка ощущался рабочий день, ведь мы снова сбежали из института, чтобы побыть вдвоем... Нам не хватало дней, нам нужны были ночи... Мы ловили мгновения, стараясь остаться вдвоем... Ты была в своем забавном пуховике, похожая на шарик, ты помнишь? Мы кидались снежками, хохотали... Мы обнимались на морозе и целовались на ветру... Мы были вдвоем, нам было хорошо...

Ты помнишь, как я присел возле тебя и ласкал твои ноги? Твои прекрасные ноги, скрытые от меня зимними колготками и сапогами... Я проводил по ним ладонями, не чувствуя холода, я ощущал каждый изгиб твоих великолепных ног... Ты опустила на мои колени и прильнула к моим губам... Ты помнишь? этот сияющий снежной белизной день, наши поцелуи, мои руки, скользящие по твоим бедрам, забирающиеся под колготки, к тайной теплоте твоего тела, твоих интимных складок... Я пробрался под твои колготки, под твои трусики, я гладил твои волосики, мягкие и курчавые, твою нежную и шелковистую кожу на лобке... Ты

помнишь, как сидела на моих коленях посреди снежного безлюдья парка, как стонала под ласками моих пальцев... Как текла твоя плоть, исторгаясь из самых недр наслаждения, которые теребили мои настойчивые пальцы, проникающие вглубь твоей вагины... Как ты судорожно двигала своей попкой, ловя секунды оргазма, как билось твое тело под моими ласками... Как мои губы покрывали твое лицо неистовыми поцелуями... Помнишь ли ты?..

... Ночные поллюции памяти, выплескивающиеся на бумагу неровными строчками, вы спасаете меня от безумия, от мерцающей завеси пустого завтра... Что осталось во мне от того сумашедшего студента, что так любил такую же сумашедшую студентку?... Лишь память держит меня в мире серых будней и мучительно-безысходных ночей... Лишь память...

... Осталось ли что-то в твоей памяти, о моя милая Первая Женщина? Хотя что-то от тех безумно-сладостных дней... Наши ежедневные насыщения друг другом, совершенно невероятные, совершенно сумашедшие в своей неистовости... Мы любили друг друга каждый день, судорожно и иступленно, словно боясь, что порвется нить судьбы, связавшая нас воедино, что исчезнет та невидимая причина, что заставляла нас искать хоть час, хоть минуту, хоть секунду, только побыть вдвоем, прикоснуться к друг другу...

... Моя безумная память вбивает в меня гвозди подробностей, распиная на кресте воспоминаний, мучительно-безысходно рисуя мельчайшие детали каждого нашего дня, каждой нашей встречи...

... Ты счастлива, если не помнишь всего этого, и ты несчастна, если утратила эти дни безвозвратно... Моя Первая Женщина, помнишь ли ты меня?..

... Помнишь, как мы обсуждали нетрадиционные позы и возможности? Ты попросила меня найти вазелин... Я нашел его, согрел в своих ладонях, спрятал в изголовье кровати... Меня манила твоя запретная дырочка, что столь сладко трепетала под моими пальцами в окружении божественных холмов твоей великолепной попки... И ты сама решила поробовать запретное и ненавидимое, необсуждаемое и проклинаемое... Мы лежали в кровати, твои руки скользили по моему телу, когда ты спросила про вазелин. Ты помнишь? Я достал металлическую коробочку, и мы долго грели ее своими телами, лаская друг друга... Помнишь ли ты это? Помнишь, как ты открыла коробочку и смазала мой твердый ствол нежными прикосновениями своих волшебных пальчиков... Вазелин был теплый и полурастаявший, он почти тек, и ты ласковыми движениями размазывала его по моей головке, дразня меня кончиками пальцев... Ты помнишь? Осталось ли в тебе то движение, которым ты, изящно перевернувшись, подставила попку моим дрожащим пальцам? Осталось ли в тебе мое прикосновение скользким от вазелина пальцем к невероятно-запретному колечку твоего ануса? Помнишь ли ты ощущения от моих движений... От теплоты и скользкости вазелина на твоей попке... Помнишь ли ты?..

... Я не жалел вазелина, я смазал твой анус так, что он стал блестеть... Ты легла на бок, ты на ощупь нашла мой член, и притянула к себе, и начала водить им по своей попке... Твоя кожа там была столь нежна, столь притягательно-ласкова, что у меня закружилась голова тогда. Ты помнишь? Помнишь, как я обхватил тебя руками, как гладил твою грудь, как прижимался к твоей спине?... Как ты долго и медленно вводила в себя мою головку, а я уговаривал тебя не торопиться и расслабиться... Наконец она проскользнула в тебя, в твой анус, в твою запретность... В твою невозможность, жаркую глубину непознанного, тугую оболочку интимности... Я медленно вошел глубже, я остановился, думая, что тебе больно, но ты сама надвинулась до самого конца, поглощая мою плоть своей попкой, ты надевалась на мой член,

пока твои мягко-упругие ягодички не упрелись мне в лобок... Ты замерла на несколько минут, переживая новые ощущения, новые чувства, а я спрашивал тебя, что ты чувствуешь, хорошо ли тебе... Ты прошептала, что это великолепно, твои глаза были закрыты, твое тело дрожало... Ты помнишь? Мои прикосновения, мои ласки твоей прекрасной груди, твоего шелковистого животика, мои пальцы? Помнишь, как ты начала медленно двигаться на моем члене, ощущая и наслаждаясь... Ты слегка застонала и твои движения убыстрились, когда я нашел твой клитор, и мои пальцы начали тереть этот комочек плоти, выпирающий из складок твоих губ... Ты двигалась все быстрее и быстрее, ты стонала и извивалась под моими руками... Ты попросила меня вставить палец в твою вагину, просто невероятно мокрую от твоей плоти, текущей по нашим ногам... Ты помнишь? Помнишь свои крики, когда я ввел два пальца в тебя и дотронулся до своего члена через эту перегородку, что разделяет и связывает два источника наслаждения... Твой оргазм немного напугал меня, ты билась и кричала, словно птица, ты закусывала губы и извивалась на моем члене, что ходил в твоей попе, в месте, где его никак не должно было быть... Ты кричала, а по моим пальцам тек твой сок и я чувствовал, как его струйки брызгают откуда-то изнутри... Наши ноги были мокро-влажными от твоей влаги, твои оргазмы следовали один за другим, и колечко ануса судорожно и волнующе сжималось, скользя по моему члену... Это была пытка наслаждения для нас обоих, ты помнишь? Есть ли в тебе еще это ощущение — ощущение твердо-нежного члена в твоей попе, бьющегося в оргазме, извергающего струи плоти, и твои ответные волны наслаждения, накатывающиеся на твое измученное оргазмами тело, и прикосновения моей спермы к стенкам ануса... Остался ли в тебе тот день, когда мы лежали опустошенно-счастливые, измотанные новыми ощущениями, и мой ствол покоился в твоей попе и ты никак не хотела его выпускать... Ты не могла двигаться, ты была столь усталой от своих бесчисленных оргазмов, что я на руках отнес тебя под душ, смыл с тебя пот и сок, вазелин и мою плоть... Я выкупал тебя, и ты радостно смеялась, когда мои руки нежно ласкали твою кожу... Помнишь ли ты все это?..

... Память... Она играет с моими чувствами странную игру, заставляя вновь чувствовать на языке вкус моих Женщин, этот мускусный аромат возбужденной женщины, этот запах желаний... И моя плоть бессильно бьется в агонии невозможности... И рвется на части душа, сгорая в огне воспоминаний, и ее пепел разносится ветром прошлых оргазмов, и пыль оседает в тайниках души, что спрятаны за бетонной стеной подсознания... Время не пощадило мое тело, но оказалось не властным над памятью. И память стреляет в меня пулями воспоминаний, пронзающими мою грудь... Моя душа мертва, убита, раздавлена жизнью, и память кремирует ее безжалостными мгновениями длинной ночи... Вечной ночи, что тянется в моей жизни...

... Ты помнишь эти три безумно-счастливых года, что провели мы вместе? Мы были вместе каждый день, учась в институте, работая на практике, сдавая сессии. Мы были с тобой каждый день... Каждый день на протяжении этих трех лет мы любили друг друга, жадно, неистово, сливаясь воедино, растворяясь друг в друге... Я приходил к тебе вечером, если мы не могли встретиться днем. Ты выходила на лестницу в своем домашнем халатике, такая милая, уютная, дышащая покоем и расслабленностью... У нас была игра, помнишь? Ты снимала трусики, прятала их в карман халатика, и мы целовались, как сумасшедшие на лестнице... Помнишь мои руки, ласкающие тебя почти у всех на виду? Обнимающие твое жаждущее тело сквозь вырез халатика, скользящие вглубь твоей интимности, теребящие твой

клитор... Ты тихонько постанывала, сильнее надеваясь на мои пальцы, ты желала захватить их все, принять внутрь, глубже... Ты заливала их своей плотью, ты повисала на моих руках, расслаблено-умиротворенная, прижималась ко мне и целовала мои пересохшие губы... Сколько оргазмов испытано тобой на лестнице, возле твоей квартиры, ты помнишь? Ты помнишь, как тебе купили твои любимые шортики, и ты выходила ко мне в них, сняв трусики... Это было столь волнующе — забираться под твои шортики и встречать там не материю белья а жадно раскрытую вагину, наполненную желанием, истекающую соками... Сколько оргазмов помнят твои шортики, сколько оргазмов помнишь ты?..

... Помнишь ли ты белье, которое я купил тебе? Тончайшие трусики, узенькие, с кружевами по бокам... Ты не любила их одевать, потому что полоска всегда забивалась между губками, доставляя тебе неудобство. Но ты всегда одевала их, приходя ко мне. Ты надевала эти узенькие трусики и чулочки на эластичных резинках, шелковые нежные чулочки... И мы любили друг друга, иногда даже не снимая эти трусики и чулочки... Тебе нравилось прижиматься ко мне попой, двигать ей по выпуклости моего члена, а затем, отодвинув в сторону полосочку ткани, впускать меня внутрь... Ты была прекрасна, черные чулочки оттеняли белизну твоих бедер, кружево трусиков подчеркивало округлость ягодиц... Помнишь ли ты это?..

... Бессонные ночи, рвущие меня на части, заставляющие биться в иступлении... Воспоминания, давящие бетонной плитой безысходности... Тяжкий крест, лежащий на мне...
... О, моя Первая Женщина... Помнишь ли ты, садясь в трамвай, тот жаркий летний день, когда я уговорил тебя выйти на улицу не надевая белья? На тебе была свободная длинная юбка и топик... Чулочки на твоих стройных ногах создавали иллюзию благопристойности, и ты шептала мне на ушко, что дуновение воздуха в твоей промежности страшно возбуждает тебя... Мы сели в трамвай, там было только одно свободное место, ты помнишь? Ты села мне на колени, обняла меня за шею, и мы целовались у всех на виду... Моя рука проскользнула тебе под юбку, нашла твою куночку, влажно-горячую, ждущую... Я ласкал тебя у всех на глазах, но никто не видел этого, никто не догадывался о твоём наслаждении... Ты закрыла глаза и еле слышно постанывала в такт моим движениям, твое тело дрожало в моих объятиях... Я чувствовал тебя сквозь ткань тонких летних брюк, чувствовал твои оргазмы, струйки твоей плоти текли по моей руке... Помнишь ли ты это? Осталось ли в тебе воспоминание о той мысли, что пришла тебе в голову тогда? Ты расстегнула мою ширинку, расправив складки своей длинной юбки, скрыв происходящее от нескромных глаз, вытащила мой член и вставила его в себя... Помнишь, как мы ехали так до самой конечной остановки, через весь город... Ты положила голову мне на плечо и только по пульсации твоей горячей вагины можно было догадаться о твоих оргазмах... Ты наслаждалась, не двигаясь, просто сидя на мне, обняв меня за шею и положив голову на плечо, а твоя вагина жила своей жизнью, извергая струйки влаги в ответ на спазмы удовольствия, что сотрясали твое тело... Ты помнишь этот безумный день?..

... Это мое проклятие, мой крест и моя кара — помнить все три года нашей жизни, три года, прошедшие в тумане нашей любви, три года пролетевшие как один день, три года слияний и любви... Ты счастлива, если не помнишь их... И ты несчастна, если они вычеркнуты из твоей жизни... Три года твоего тела, три года твоей души... Твоих объятий, твоей фантазии... Я помню их все, каждую подробность, я выплескиваю их на бумагу, стирая из своего подсознания, из своей искалеченной души...

... Наверное, ты помнишь тот страшный день, когда я пришел к тебе вечером, но меня встретила не влюбленная Женщина, а Снежная Королева. Я не знаю, до сих пор не знаю, что заставило тебя сказать эти страшные слова: «ты меня не возбуждаешь. Я не чувствую в тебе мужчину». Накануне мы сплетались в объятиях, я пронзал твой анус своим копьём, заставляя тебя биться в оргазмах и кричать от наслаждения... И эти слова обрушились на меня громом небес... Я стоял и смотрел на тебя, не понимая их смысла, а ты совершенно спокойно добавила, что больше мы не будем встречаться, что в этом нет смысла, что я не нравлюсь тебе... Ты прокляла меня такими словами...

... Но я не сержусь на тебя, моя Первая Женщина, напротив, я благодарен тебе. Ибо, пусть даже твои последние слова убили что-то в моей душе, но три года праздника в твоих объятиях научили меня многому, показали мне, что во сто крат приятнее, когда в твоих объятиях бьется в оргазме молодое девичье тело, нежели лежит под тобой инертная плоть. Важно лишь то наслаждение, что мы доставляем другим...

... Ведь ты была некрасива. Твое лицо, что я так жадно целовал, было несимметричным, твоя правая грудь была чуть больше и выше левой, твои плечи были широки и угловаты... Но я любил тебя такой, какая ты была, любил всей душой, любил твои глаза, не идеально круглые, но миндалевидные, словно у богини, любил твое скуластое лицо, не покрытое косметикой, естественное, прекрасное в своей дикой, степной очаровательности... Любил твою грудь, податливо-упругую, нежную и ласковую, так приятно обхватывающую мой член... Твои плечи, они были так прекрасны под моими руками, мои ладони наслаждались ими, они пили ласку твоей кожи... Я любил твое тело, любил твой ум, любил твою душу...

... И твои слова вбили первый гвоздь в крышку моего гроба, нанесли первую рану моей теперь изнасилованной душе... Но я все равно люблю тебя, моя Первая Женщина, люблю тебя ту, что осталась в прошлом, безудержно дикую, необузданную в своей фантазии, бесстыдную в любви и ласково-покорную в жизни... Люблю твои прикосновения, чарующие, нежные в полутьме... Люблю тебя ту, которая умерла однажды вечером, сказав мне эти слова... * * *

... Лежа в объятиях последнего ложа моего, я наблюдаю за призрачным полетом иллюзий моего прошлого. Вихри воспоминаний теснятся на лезвии ножа перед моими глазами, моя жизнь течет чередой событий... Мои Женщины, бессильный и немощный я вспоминаю вас, вижу вас в своих горячечно-бесстыдных снах, общаюсь с вами в мареве бессонницы... Мои губы шепчут имена призраков, и умирающая плоть растекается лужей проклятой жизни... Смерть стоит за моими плечами, засмотревшись на вашу красоту, завидуя моему прошлому... Она отдает должное вашей красоте, вашему таланту... Она ждет конца, как жду его и я, жду с нетерпением, ибо душа моя умерла давным давно, оставив мне лишь тяжесть и боль воспоминаний... 31.08.2000